

**РЕННЕНГАРДТ Ф. Ф. — в ПОМПОЛИТ
РЕННЕНГАРДТ Ф. Ф. — ВИНАВЕРУ М. Л.
РЕННЕНГАРДТ Ф. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

РЕННЕНГАРДТ Фридрих-Эйтель Фридрихович, родился в 1896 в Берлине. Князь. Получил высшее военное образование. До 1918 — служил военмором немецкого флота, после революции — на Балтфлоте, капитан-лейтенант. Один из организаторов Москитной флотилии; начальник штаба отряда, затем — начальник бригады. В середине 1920-х — арестован, приговорен к заключению в концлагерь и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Осенью 1932 — освобожден¹, 11 декабря получил гражданство СССР. Служил начальником штаба в Главном Управлении Краснознаменного "Эпрона". 4 января 1935 — арестован с женой, в апреле выслан с ней в Челкар Актюбинской области на 5 лет². В ноябре 1935 — обратился за помощью в Помполит.

<28 ноября 1935>

«от Ренненгардта Фридриха-Эйтель
Фридриховича, прож<ивающего>
Казахстан, ст<анция> Челкар
Оренб<ургской> жел<езной>
дор<оги>, ул<ица> 25-го Октября, 28

Заявление

Четвертого января с<его> г<ода>, находясь в служебной командировке от Главного Управления Краснознаменного "Эпрона" в городе Мурманске, я был арестован по распоряжению Ленинградского Особого Отдела и доставлен в Ленинград в распоряжение нач<альни>ка 6-го отд<ела> О<собого> О<тдела>, где мне предъявлено было явно непроверенное обвинение в "измене родине" и "шпионаже", состоя, якобы, во главе контрреволюционной организации, из-за чего арестовано было по моему делу много знакомых, сослуживцев и моя жена — с обвинением, как члена организации, которая никогда не существовала.

Следствием и свидетельскими показаниями, видно, подтвердилась моя невиновность и наличие каких бы то ни было организаций, а посему следствие приостановлено, и дело прекращено. Все арестованные по делу, за исключением меня и жены, были освобождены не позже 45 дней со дня ареста. Я же, у которого благодаря своим взглядам и действиям во время прохождения на б<ывшей> родине, в Германии с 1914 года Военно-морской службы на командных должностях, сложилось крайне безвыходное положение, благодаря чему пришлось уйти и искать защиты в Советском Союзе. Придя в СССР, я пришел честно трудиться и отдавать свои знания на общее строительство Союза ССР, а не вредить, что легко и сейчас еще проверить (ибо, так, как я работал, враги не работают), опросив мое непосредственное начальство и мне подчиненный личный плавсостав, коего было около 700 чел<овек>, что также неоднократно отмечалось моим начальством и треугольником: в приказах в виде благодарностей, грамотами, к<а>ж одному из лучших ударников, и ценными подарками; ибо я честно трудился, отдаваясь всей работе всеми знаниями, не щадя здоровья, не видя личной жизни; я не был рвачом, не гонялся за случайным заработком где-то, а отдавал все свое время и

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 446. С. 88-89.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. Д. 1517. С. 184-188.

знания, строго следя за правильной работой вверенного мне флота, все это видно по документам.

Одновременно с гражданской работой, я нес большую нагрузку по оборонной службе, являясь одним из активных организаторов Москитной флотилии, — будучи начальником штаба отряда, потом бригады, я вкладывал здесь все свои знания и большой опыт прошлой в<оенно->м<орской> службы, благодаря чему мои части, несмотря на их более позднее формирование, в первом же году на осенних учениях получили оценку "отлично" и благодарности БО, МСБМ при маневрах с флотом за хорошую б<оевую> п<одготовку>.

Впоследствии, перейдя на Военно-Морск<ую> службу в Главное Управление Краснознаменного "Эпрона", где был запрошен на должность нач<альни>жа штаба, я также твердо стоял на своем посту, строго следя, отстаивая и защищая интересы Краснознаменного "Эпрона" (чем сразу же нажил врагов из числа подрывавших правильную работу Кр<аснознаменно>го "Эпрона). Характеристику обо мне и моей работе можно получить у Нач<альни>жа Управления т<оварища> Ф. И. Крылова.

Несмотря на мою преданность моей вновь приобретенной родине Союза ССР, подданство которого я принял лишь 11/XII-32 г<ода>, чем и признан равноправным гражданином без всяких ограничений; не причинив ничего плохого за это время не только на деле, но и мыслями, я отдавал все свои знания, опыт и силы на общее строительство первого рабоче-крестьянского государства — Союза ССР во главе с партией Ленина-Сталина, руководимая великим учителем и любимым вождем народов И.В. Сталиным; меня включили в число чуждых и опасных элементов и выбросили за борт, выслав из Ленинграда.

Считая свою высылку явно ошибочной, ибо ведший записи протоколов следствия особо уполномоченный 6-го О<собого> О<тдела> Чоклин, во всех протоколах выставлял меня к<а>к чуждого, в черном виде, тоном своим и содержанием, меня больного³, в одиночке довел до того, что я отказался от всего, выдумав на себя историю, т<о> е<сть> отказавшись от офицерства прошлого, надеясь в этом найти раз и навсегда покой от всяких подозрений, будучи совершенно чистым к Союзу ССР, забыв, что все это опровергается моим служебным путем, где я этими знаниями приносил пользу, а также то, что, припадки, наследство контузии во время войны, выдают мое прошлое, которое я не скрывал с 1928 года, а также во время приема подданства, что тоже не может служить причиной к изгнанию. Увидев, что ничего не помогает, и меня продолжают выставлять с плохой исключительно стороны, я от показаний отказался, так к<а>к считал себя правым, чистым; потребовал вмешательства прокурора, т<о> е<сть> свидания, было отказано, настаивал на разрешении мне написать прокурору, разрешил, но безрезультатно осталось, ответа не получил, а заявление мое в разбросанном виде видела моя жена, вызванная на допрос к гр<аждани>ну Чоклину, на его столе, а адресовано было ведь прокурору. Ничего не было и не могло быть, все же меня с женой продолжал содержать под стражей, к тому же меня совершенно больного, в одиночке, запрещая перевод в больницу АПЗ, несмотря на активирование врачами: заключение в одиночке, нервное состояние обостряет болезнь и я, пораженный нервным параличом, прикован к кровати, все же меня не переводят в больницу и не освобождают. Лишь в марте меня скорой помощью (на носилках) переводят в больницу АПЗ и 3 апреля из больницы АПЗ в городскую больницу им<ени> Мечникова, тем же путем без всяких улучшений, так к<а>к необходимого лечения и обстановки я не получил. Жену продолжают содержать под стражей, в чем же вина, ведь все

³ Далее идет перечень болезней.

освобождены уже давно, она не бывшая, а из рабочей семьи, рабочая, вся семья в Ленинграде работает на фабриках и заводах, и вот, 15 апреля ее освобождают, причем, дают удостоверение на выезд из Ленинграда в гор<од> Иргиз сроком на 5 лет, вписав меня к<a>к иждивенца. Но за что, не за бесконечную же преданность, за искренно честный труд, доведенный до паралича, выбрасываюсь беспомощным за борт жизни, в изгнание. Если я враг, так нужно меня расстрелять, я же получил подданство СССР без ограничения и не совершал преступления. Я работал честно и прошу, пересмотрев дело, дать мне возможность снова работать и быть полезным своими знаниями, восстановив в правах гражданства нас.

Ренненгардт

28/XI 35 г<ода>»⁴.

В июне 1936 — после получения ответа Помполита, обращается за помощью к М. Л. Винаверу.

<5 июня 1936>

«Ваш № 5484

Глубокоуважаемый т<оварищ> Винавер!

Вчера получил Ваше отношение от 26/V-36, но по содержанию его я ничего не могу понять, ибо оно не является ответом на мои предыдущие три письма с просьбами (от 15/I, 23/III и 8/V-36 г<ода>.). Благодарю за совет новый, и, пользуясь Вашим предложением, я вновь посылаю Вам заявление на имя НКВД, каковое прошу протолкнуть, но, если возможно, скорее, так к<a>к пошел уже второй год, и положение крайне тяжелое, а добиться ничего нельзя, заявления ходят месяцами и остаются безответными совершенно, ибо некому протолкнуть — нет близких людей и родственников. Кроме того, мне крайне непонятна вся моя высылка: "я до последнего дня работал на высших ком<андных> должностях, и был отмечаем к<a>к один из лучших, каждый мой шаг был известен НКВД и лишь 11/XII-32 я принял подданство СССР (из Германии), чем признан равноправным гражданином, и в то же время, высылка", но к<a>к, арест, предъявление несуществующего обвинения, прекращение во время следствия дела к<a>к несуществующее, освобождение всех по делу арестованных, за исключением жены, ни при чем не виновной, и высылка ее, в удостоверение коей я вписан к<a>к иждивенец, но почему (?). Не потому ли, что обвинение отпало, а я, "пораженный во время следствия в АПЗ нервным параличом, был прикован к кровати, и меня нужно было выпроводить". Неужели и в Советском Союзе нельзя добиться реабилитации, где закон не таков к<a>к в капиталистических странах, где не карают, а исправляют.

Я честно служил, был отмечаем, ибо отдавал все, и знания, и многолетний опыт, я трудился и хочу это больше делать, ведь немисливо же в СССР продолжать нетрудовое паразитическое существование, продавать давно стало больше нечего, работы нет совсем, болезнь и негде лечиться.

Прошу оказать содействие в моей реабилитации, так к<a>к во всем этом лишь гнусная клевета врагов моих, коим я к<a>к работник мешал (один из них комиссар "Эпрона" на Северных морях Фейфер, в этом году разоблачен и исключ<ен> из партии к<a>к скрывающийся "бандит" и "лишенец").

Г<ород> Челкар. 5/VI-36

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 93-94. Автограф.

Ренненгардт»⁵.

В марте 1937 — Фридрих-Эйтель Фридрихович Ренненгардт находился в Челкаре Актюбинской области, работал разнорабочим; вновь просил ходатайства Помполита об освобождении из ссылки и возвращении в Ленинград⁶. 31 августа 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь⁷. В марте 1937 — обратился к Екатерине Павловне Пешковой.

<29 марта 1937>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Два года и три месяца я выброшен за борт жизни и лишен всего — права на нормальную жизнь, труд и лечение, не зная все же за что. Тридцать восемь заявлений и писем во все инстанции, оставлены без последствия, ибо они не доходят до адресатов, а теряются в канцелярских дебрях у секретарей. Не имея никого близкого, родственника, живого человека, который бы мог хлопотать за меня, я до сих пор не имею возможности добиться хоть чего-либо положительно<го> в улучшении своего положения, к<а>ж больного, до момента пересмотра моего дела, о чем я просил в течение всего этого долгого периода.

Считая себя совершенно невиновным и примененную ко мне и моей жене высылку ошибочной, а посему прошу все время о моей реабилитации.

Враги такими не бывают, к<а>ж я, они так не работают, к<а>ж я работал, вся моя работа, вся за все время — отмечалась грамотами, благодарностями в приказах, к<а>ж передовика, лучшего ударника и незадолго до момента ареста, находясь в командировке в Мурманске от Главн<ого> Управ<ления> Краснознаменного Эпрона, к<а>ж начальник штаба последнего, для перестройки работы тогда еще в ноябре 1934 года, когда не существовало стахановских методов работы, я доказал к<а>ж можно, необходимо перестроить, взяв на себя руководство подъемом одной единицы, каковую и совершил с показателем в 640% по отношению плана-договора, каковой был все же по моему настоянию резко сокращен, согласно существовавших в экспедиции норм.

Кроме того, я за все эти годы пребывания в СССР нес высшую командную должность к<а>ж гражданские, так и оборонные, не будучи последним, а передовиком, ибо я приехал в СССР не как враг, а по убеждениям, и мне нет возврата в III Империю больше, где я, как бывш<ий> морск<ой> офицер Военного флота, изменил присяге.

Служа, а мне давались вне всякого сомнения все время характеристики, к<а>ж о<б> иностранном подданном, находящемся на службе в СССР, и каждый шаг мой был известен очень хорошо. Кроме того, II-12-32 я принят в гражданство СССР без всяких ограничений, при оформлении была приложена справка НКВД.

Вдруг высылка, ограничения и лишения, да нельзя добиться никакими силами реабилитации.

На все адресованные на Ваше имя письма с просьбами о содействии, я получал некоторые обещания, по прошествии семи месяцев и не получении ответа, а также моего повторного запроса Вам, мне вновь предложено было прислать заявление, и оно до сих пор осталось безответным, если не считать крайне непонятного ответа за подписью т<оварища> Винавера — "В<аше> дело еще не пересматривалось. Когда

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 186. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1601. С. 177-180, 182.

⁷ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

будет пересмотрено и будет ли пересмотрено — мы не имеем возможности выяснить".

Кто же тогда, если не специально существующий орган, Вами возглавляемый, — "Помощь политическим заключенным", может что-либо добиться, выяснить и оказать содействие?

Неужели моя честная служба, неоднократно отмечаемая, не служит достаточным основанием к пересмотру и реабилитации, к возврату в нормальную жизнь, к труду, без ограничения. Изучив человека в труде, допустив его к работе, приняв в гражданство Союза ССР, нельзя его после этого, думаю, бесконечно подозревать и по любому доносу преследовать. Ведь если будут меня, как немца, подозревать, то когда же этому будет конец? Если я враг, то необходимо меня уничтожить, если нет — реабилитировать и дать возможность снова дальше трудиться и жить без ограничения: если ни одно, ни другое не применимо, необходимо еще что-то применить, изгнать.

Но нужно, думаю, положить конец, ибо жить так невыносимо больше, это не исправление, такая высылка может только испортить человека.

Неужели в СССР, в первой стране социализма, где так высока теперь забота о живом человеке-трудящемся, а я им все время был, где к тому <же> только что вступила в силу самая демократическая в мире Сталинская конституция, нет возможности добиться пересмотра дела, созданного врагами на основании мерзких доносов о не существовавших за мной преступлениях, что и доказано было свидетельскими показаниями, и дело в стадии следствия было прекращено, а все арестованные по делу были освобождены и восстановлены в правах в Ленинграде.

Каким образом можно переслать письмо на имя Сталина, чтобы оно только дошло к адресату, не сомневаюсь, что там отнеслись бы более чутко к живому человеку-специалисту, который еще может приносить пользу.

Убедительно прошу сообщить Ваш по этому письму ответ и, если возможно, не задерживать, ибо месячные затяжки очень тяжелы в ожидании.

В просьбе прошу не отказать.

Ренненгардт.

г<ород> Челкар 24-3-37»⁸.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1601. С. 178-180. Автограф.